

УДК 141

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В КОНЦЕПЦИИ АРХЕТИПА К.-Г. ЮНГА**В.Б. МИХНО***(Полоцкий государственный университет)*

Статья посвящена проблеме открывающейся, благодаря укреплению своих позиций в современном научном и философском мышлении синергетической парадигмы, перспективы новой интерпретации концепции архетипа К.-Г. Юнга. Акцент делается на том, что среди ряда первоначально представленных самим Юнгом существенных характеристик архетипа встречаются такие, которые в русле собственно синергетики являются признаками открытых неравновесных систем.

Активная рефлексия по поводу несостоятельности философии в объяснении явлений самой различной природы, периодически появляющаяся в истории философии и свидетельствующая о переживаемом философией кризисе, по мнению многих, служила толчком к формированию новой парадигмы. Смена парадигм как в философии, так и в науке является закономерным процессом, но в отличие от науки философия, выстраивая свои конструкции, в определяющем большинстве случаев вступала в сферу трансцендентного, а это, в свою очередь, обуславливало чрезвычайную многовариативность ее изысканий. Нередко идеи, оставшиеся абсолютно без внимания со стороны современников, предвосхищали на целые века то, что впоследствии осознавалось как фундаментальный принцип философского мышления или парадигма.

Известно, что сначала для древних, а затем и для последующих поколений философов было характерным изначальное стремление к постижению тайн мироздания, ибо без этого полагалось невозможным познание тайн человеческого Я, а принцип тождества макрокосмоса и микрокосмоса оказался самым благодатным для различных спекуляций в этом плане. Считается, что этот принцип является результатом обратной экстраполяции, т.е. человек, однажды обнаружив в себе то, что хотя и относилось к категории его собственной души или разума, практически бессознательно вынес за пределы своего существования и тем самым гипостазировал и только потом посчитал логичным его присутствие в самом себе. Тем или иным образом категория сознания, хотя и не индивидуального, но трансцендентного, оказывалась во главе философской проблематики, соответственно смена парадигм в философии была сменой парадигм и в решении проблемы сознания. После достаточно длительной истории непрекращающихся попыток разгадать тайну некоего трансцендентного сознания, однажды философы, отказавшись от этой идеи, вплотную занялись тайнами собственно человеческого Эго. И когда они, впервые вооруженные не метафизическими, а вполне научными знаниями, казалось бы, очень близко подошли к разгадке, вдруг, но уже по причине метафизичности самой науки, стали вновь погружаться в сферу трансцендентного. Парадокс в том, что если раньше спекулятивной являлась всегда только философия и никогда наука, то сегодня они словно меняются местами. Линия демаркации между наукой и метафизикой, которую так настойчиво стремились провести в свое время неопозитивисты, благодаря открытиям в области квантовой физики, а также проникновению синергетической парадигмы во многие отрасли научного исследования сегодня, кажется безнадежно размытой.

Среди современных философов и когнитивных ученых стало распространяться мнение, что разгадка тайны сознания придет вместе с революцией в физике, в частности квантовой механике. О связи квантовой механики и философии сознания заговорили после того, как исследователи столкнулись с парадоксальностью квантового измерения, связанной с проблемой наблюдения – отношения между опытом субъекта и остальным миром. Оказалось, что в физике не меньше загадок, чем в философии сознания, а когда имеются две грандиозные тайны, возникает подозрение о наличии у них общего источника [9, с. 159]. Концептуальный анализ квантовой механики выявил необходимость введения в эту теорию сознания наблюдателя в качестве обязательного элемента. Это открыло путь к непосредственному контакту между физикой и психологией, а если смотреть более широко – то между естественными науками, с одной стороны, и различными способами изучения духовного мира человека – с другой [4, с. 70]. Очевидно, современная культура находится на переходном этапе – этапе формирования принципиально новой парадигмы мышления, причем как научного, так и философского. Потенциал же этой парадигмы таков, что уже создает почву для споров, в содержательном плане хотя и принципиально новых, но имеющих достаточно древние корни. Предметом же споров становится не просто категория сознания, но категория сознания в контексте основного вопроса философии. Так, например, в русле синергетического подхода, а

также некоторых положений квантовой теории оказывается не лишенной оснований и заслуживающей определенного интереса старая идея первичности сознания. Сознание вторично в том смысле, что объективно существует квантовый мир, а сознание воспринимает лишь одну из возможных его «проекции», которая интерпретируется сознанием как классическая реальность. Но сознание *первично* в том смысле, что классическая реальность (которую принято считать единственной реальностью) возникает лишь в сознании и в результате его деятельности, а в квантовом мире это всего лишь одна из огромного множества компонента (проекция), которые характеризуют этот гораздо более богатый мир [4, с. 71]. Для квантовой механики проблемным оказывается вопрос выбора индивидуальным сознанием той или иной альтернативы, т.е. одного из возможных, так называемых, эверретовских миров. Но подобный вопрос в философии был проблемным еще задолго до появления квантовой механики, а поиск его решений осуществлялся в самых различных направлениях. Характер решений варьировал между духом провиденциализма, механистического детерминизма или индетерминизма, но, несмотря на всю многовариативность философских решений, проблема осталась открытой.

В конце XX века начинает распространяться сначала в ряде наук, а затем и в философии так называемый синергетический подход, в основе которого лежит не только качественно иной категориальный строй, но и качественно иной набор принципов исследования различных уровней реальности. В фокусе исследований синергетики оказались процессы самоорганизации в сложных нелинейных (неравновесных) системах, а значит и сами нелинейные системы, к разряду которых начинают относить не только элементы мегамира или микромира, но и общество как сложную динамическую систему, а также когнитивную деятельность сознания человека. Синергетика экспериментально обосновывает ограниченность полного и детерминированного описания естественных систем, фиксируя возможность их самоорганизации в различных состояниях при одних и тех же внешних параметрах [3, с. 72 – 73]. Считается, что траектория, по которой эволюционирует та или иная система, характеризуется чередованием устойчивых областей, где доминируют детерминистические законы, и неустойчивых областей вблизи точек бифуркации, где перед системой открывается возможность выбора одного из нескольких вариантов будущего. Другими словами, траектории многих систем нестабильны, а это значит, что мы можем делать достоверные предсказания относительно их будущего поведения или состояния лишь на коротких интервалах времени. Краткость же этих интервалов означает, что по прошествии определенного периода времени траектория неизбежно ускользает от нас, мы лишаемся информации о ней.

Одним из принципов синергетического подхода становится принцип неадетерминизма, трактующий процесс развития как непредсказуемую смену состояний системы и не предполагающий фиксации внешнего по отношению к рассматриваемой системе объекта в качестве причины ее трансформаций, поскольку претерпевающий трансформацию объект рассматривается как открытая система. Фактор случайности обретает статус фундаментального в механизме осуществления детерминации нелинейного типа, и как следствие, нелинейность процесса исключает возможность любого вероятностного прогноза относительно будущих состояний системы [8, с. 802]. Все мироздание в таком контексте рассматривается как в значительной мере беспорядочная среда, в которой выкристаллизовывается порядок и, соответственно, утверждается мысль, что движение фактически всех реальных систем осуществляется на странном аттракторе и представляет собой хаотическое блуждание в определенной области значений параметров. «Наше восприятие природы, – писал один из основоположников синергетики Илья Пригожин, – становится дуалистическим, и стержневым моментом в таком восприятии становится представление о неравновесности. Причем неравновесности, ведущей не только к порядку и беспорядку, но открывающей также возможность для возникновения уникальных событий, ибо спектр возможных способов существования объектов в этом случае значительно расширяется. В ситуации далекой от равновесия дифференциальные уравнения, моделирующие тот или иной природный процесс, становятся нелинейными, а нелинейное уравнение обычно имеет более чем один тип решений. Поэтому в любой момент времени может возникнуть новый тип решения, не сводимый к предыдущему...» [7, с. 46]. Можно считать, что утверждение идеи нелинейного и неравновесного мира послужило толчком к развитию нового типа рациональности, в основу которого легло нелинейное многомерное мышление, необходимость применения которого собственно и обосновывается в русле синергетики [3, с. 72 – 73].

Теперь все чаще утверждается идея о том, что мир, в котором истина одна, а заблуждений много, прекратил свое существование. Отмечается тенденция неприятия любых попыток разработки и внедрения в общественном сознании универсальных объяснительных схем логофундаменталистского типа, связанных с восприятием человека и человеческого, а значит и сознания [2, с. 31]. Признаки нового типа рациональности в философии стали активно проявляться прежде всего в постмодернистской традиции. Исследователи, обнаружив аналогию между рядом естественнонаучных положений в русле синергетики и теоретическими построениями постмодернистской философии, стали говорить о последних как о кон-

цептуальных абстрактных моделях нелинейных динамик, ибо они демонстрируют явное сходство, возможно тождество, по парадигмально-методологическому критерию с синергетической исследовательской матрицей [8, с. 802]. Анализ исчерпывающего многообразия постмодернистских философских построений показал, что феномен самоорганизации нестабильной среды выступает в качестве предмета изучения практически во всех постмодернистских исследованиях, а исходной установкой постмодернистских моделей выступает идея креативного потенциала неравновесной хаотической среды, что инспирирует переосмысление детерминизма в плане нелинейной его интерпретации, предполагая тем самым радикальный отказ от презумпции принудительной каузальности, идеи наличия внешней по отношению к исследуемому процессу причины. На основании же анализа игровой модели универсума в постмодернизме сделан вывод о том, что эта философия фундирована признанием фундаментального статуса случайной флуктуации в динамических процессах.

Несомненно, постмодернизм на практике реализует исконно присущую философии функцию – функцию выработки и концептуальной апробации понятийных средств описания и анализа тех форм и уровней организации, которые еще только осваиваются современной культурой. Несомненно и то, что философия постмодернизма демонстрирует свой парадигмальный статус, так как формирует специфическую модель видения реальности, основанную на презумпциях креативной хаотичности и семиотической артикулированности бытия, и потому, что вырабатывает специфические идеалы и нормы описания и объяснения мира, заключающиеся в принципиальном программном плюрализме и когнитивном релятивизме, посредством которых только и может быть зафиксирован нестабильный самоорганизующийся объект [8, с. 802]. Но, учитывая явную аналогию в установках постмодернизма и синергетики, допустимо говорить не о двух типах новой рациональности, возникших в последней четверти XX века, а об одном, синергетическом по сути, т.е. постмодернизм в философии является проявлением синергетической парадигмы в философии.

Принципиальное обновление философских исследовательских программ и категориального строя, никоим образом не свидетельствует о принципиальном обновлении предмета философской рефлексии и утраты интереса к проблеме сознания в философии постмодернизма. Более того, можно утверждать, что именно этот феномен, а точнее его когнитивная сущность, стала одной из главных причин этого обновления, ибо, фактически, все постмодернистские конструкции прямо или косвенно относятся к категории сознания, границы которой здесь значительно расширены. Если до эпохи постмодернизма сознание, как упоминалось выше, отчуждалось от человека и, наделяясь статусом субстанции, выносилось за пределы мира, то теперь, будучи вновь отчужденным от человека, оно проявляет себя в бытии мира, артикулированном как текст, как некая семиотическая самоорганизующаяся среда. В этой связи невозможно не заметить определенного сходства между характером решаемых проблем не только в постмодернизме и синергетике, но и в квантовой физике. И философия постмодернизма, и квантовая физика, фиксируя проблему когнитивной деятельности сознания, считают необходимым полагать эту когнитивную деятельность как открытую неравновесную систему. Причем, интерпретация поведения подобного рода систем в прошедшем времени в духе классического детерминизма если и кажется убедительной и удовлетворяющей ожидания большинства, то все попытки объяснения настоящего и тем более будущего сталкиваются со значительными затруднениями, пока исследователь не отказывается от презумпций жесткого детерминизма. Традиционно прошлое поведение таких систем интерпретировалось как некий свершившийся факт выбора одной из возможных альтернатив, при этом всегда находились и конкретные причины, якобы объясняющие этот выбор. Любые идеи относительно того, что этот свершившийся факт выбора является всего лишь чьим-то представлением и утверждается в сознании большинства только по причине господства очень удобного, укоренившегося как традиция, принципа логоцентризма, или сознательно подавлялись в силу их кажущейся неадекватности, или вовсе оставались проигнорированными. Да и сама постмодернистская философия, отказавшаяся от логоцентризма и акцентировавшая свое внимание на когнитивном плюрализме и релятивизме, первоначально была принята в штыки, оказалась непонятой. Не исключено, что именно столкнувшись с трудностями когнитивного характера квантовая физика, а также синергетика, значительно утвердившая свои позиции в различных отраслях научного исследования, вынудили взглянуть на постмодернистскую философию под другим углом зрения и, обнаружив в ней признаки нового, являющегося синергетическим по сути, типа рациональности, признать за ней парадигмальный статус.

Ознаменовав собою поворот рефлексии «от существующего к возникающему», синергетическая и постмодернистская модели вызвали волну критического переосмысления целого ряда в свое время достаточно шумевших, а позднее забытых теорий. Будучи рефлексией по поводу рефлексии, философия не раз обнаруживала истоки известных просвещенному миру теорий и концепций в самых неожиданных уголках историко-философского лабиринта, потенциальной бесконечностью возможностей которого

можно только восхищаться. В свете уже новых теорий, выдержанных в духе синергетической или пост-модернистской парадигмы, вдруг обнаруживается, что Гомер был одним из первых постмодернистов и что древнеиндийские мудрецы неоднократно высказывали идеи, некоторым образом пересекающиеся с современными положениями квантовой физики, и что суждение А. Шопенгауэра «Мир есть представление» имеет более глубокое содержание. Неожиданно открылась возможность рефлексивного **экспериментирования** с отдельными концепциями, хотя и сделавшими в свое время шаг в решении проблемы сознания, но зависшими по причине собственной противоречивости. К их числу можно отнести концепцию архетипа К.-Г. Юнга, так как многие из ее положений на фоне синергетической парадигмы могут представлять определенный интерес. В последнее время, например, стали появляться работы, в которых на основании общности ряда признаков, таких как неразделимость субъектно-объектных отношений, существование в виде суперпозиции всех возможных состояний, действие принципов неопределенности и соотношения неопределенностей, наличие особой «квантовой» логики и символично-образного языка, сфера бессознательного отождествляется с квантовой реальностью, а также устанавливается тесная связь философии постмодернизма с теорией бессознательного [6, с. 18]. Предпринимаются также попытки замещения психоаналитического метода деконструкцией при исследовании продуктов бессознательного социокультурного масштаба. Вся совокупность подобных размышлений свидетельствует о масштабном утверждении идеи сферы бессознательного, в значительной степени определяющей жизнь сознания как открытой неравновесной системы. В таком контексте логика жизни сознания и бессознательного становится логикой порядка и хаоса, при этом сам хаос полагается как детерминированный, представляющий собой более сложную упорядоченность, не подлежащую точному описанию, поскольку являет собой чистую возможность. Иными словами, обновление контекста теории бессознательного неизбежно влечет за собой и обновление сущности его составляющих, к числу которых, в первую очередь, следует отнести архетип.

Свою концепцию архетипа Юнг предваряет анализом природы сознания и бессознательного, утверждая за ними ряд признаков, позднее определяемых в качестве признаков нелинейных неравновесных открытых систем. Пытаясь воспроизвести сущность сознания, бессознательного и собственно архетипа, он изначально характеризует их не иначе, как диссипативные системы, генетически связанные друг с другом. Швейцарский психоаналитик отмечает, что теоретически в области сознания не может быть никаких границ, так как оно способно к неопределенному расширению. Эмпирически, однако, сознание всегда находит свои границы, когда оно сталкивается с неизвестным. Последнее состоит из всего, что мы не знаем, и, следовательно, никак не связано с Эго, как центром поля сознания. Неизвестное, в свою очередь, распадается на две группы объектов: те, которые находятся снаружи и могут быть восприняты органами чувств, и те, которые находятся внутри и постигаются «непосредственно». Первая группа включает неизвестное во внешнем мире; вторая – неизвестное во внутреннем мире, именуемое территорией бессознательного.

Согласно концепции Юнга, все сознательные смыслы обладают архетипической природой и, так или иначе, выражают соответствующий архетип, некий первосмысл, лишенный какой-либо предметности, незримо организующий и направляющий жизнь нашей души. Это своего рода формы, не имеющие внутреннего содержания и являющиеся формальными элементами, способными оформиться в конкретное представление только тогда, когда они проникают на сознательный уровень психики. По существу, архетип представляет то бессознательное содержание, которое изменяется, становясь осознанным и воспринятым; оно претерпевает изменения под влиянием того индивидуального сознания, на поверхности которого оно возникает. Архетипические мотивы берут свое начало от архетипических образов в человеческом разуме, которые передаются не только посредством традиции и миграции, но также с помощью наследственности. Юнг отмечает, что эта гипотеза необходима, поскольку даже самые сложные архетипические образцы могут спонтанно воспроизводиться без какой-либо традиции. Существует столь же много архетипов, сколько и типичных жизненных ситуаций. Бесконечное повторение отпечатало этот опыт в психической конституции, но не в форме образов, которые были бы заполнены каким-то содержанием, но чуть ли не в виде форм без содержания, которые представляют лишь возможность определенного типа воззрений и поступков [10, с. 91]. Архетип в себе есть некий непредставимый наглядно фактор, некая диспозиция, которая в какой-то момент развития человеческого духа приходит в действие, начиная выстраивать материал сознания в определенные фигуры, при этом архетипические ситуации повторяются всякий раз по другому поводу [11, с. 136]. В спокойном, непроецированном состоянии он не имеет никакой точно определенной формы, т.е. является формально неопределенной структурой, которой, однако, приличествует возможность проявляться в определенных формах при помощи проекции [10, с. 119]. О чем бы ни высказывалось архетипическое содержание – это прежде всего языковое сравнение [10, с. 169]. Всякая попытка более строгого изложения тотчас же наказуется, потому что она гасит истину непостижимого ядра значения. Ни один архетип не может быть сведен к простой формуле. Он

существует в себе только потенциально и, будучи преосуществленным в материале, он уже более не то, чем был только что [10, с. 197].

Юнг, проводя различия между понятиями «архетипическое представление» и «архетип», первое интерпретирует, опираясь на материалы мифологического и религиозного содержания, но при этом создает характерные противоречия, разрешить которые на тот момент не удастся ни самому, ни его последователям. Эти противоречия можно объяснить несколькими, различными по своей природе, причинами. Во-первых, противоречия, возникшие при тематизации архетипических представлений, имеют старые корни и относятся к категории противоречий между методом и системой. С одной стороны, здесь полагается неисчерпаемость архетипа, его потенциальная полифоничность и открытость, а с другой стороны утверждается достаточно узкая палитра архетипических представлений, фактически зажатых рамками известных культуре мифологий и христианской догматики. Это тот случай, когда для уже свершившихся фактов легко находятся конкретные объяснения, а объяснениям того, что еще вершится или чему только суждено свершиться, не всегда дано быть оправданными реальностью. Однако именно привязанность архетипических представлений к конкретным мифологическим и религиозным сюжетам, а не скрывающая в себе массу возможностей для будущей рефлексии интерпретация архетипа, сделала идеи Юнга в свое время весьма популярными. Во-вторых, та специфика психических явлений, на которую психоаналитик обратил внимание и которую попытался выразить в понятиях коллективного бессознательного, а также архетипа, не укладывалась в рамки привычного словаря ни психологии, ни какой-либо другой науки, ни даже философии. Полагая и коллективное бессознательное, и архетип как нечто, что изменяется всякий раз, когда становится осознанным и воспринятым, претерпевает изменения под влиянием того индивидуального сознания, на поверхности которого возникает, а значит, существует в себе только потенциально, он явно испытывал дефицит таких категориальных средств, которые позволили бы адекватно выразить сущность данных феноменов. В истории культуры подобного рода ситуации возникали нередко и случались они чаще тогда, когда отдельные идеи и концепции появлялись задолго до научных открытий и соответствующих теорий, их обосновывающих. Как отмечал один из основоположников квантовой физики В. Гейзенберг, с проникновением в области, непосредственно недоступные нашим ощущениям, наш язык начинает отказывать, поскольку привычные понятия по отношению к новому ускользающему от них опыту становятся некорректными [1, с. 412]. Сегодня благодаря принципиальному обновлению категориального строя, установок и методов рефлексии в русле синергетической парадигмы, представленной в философии в лице постмодернистской традиции, перед юнговской интерпретацией именно понятия архетипа открываются определенные перспективы, поскольку сам архетип теперь возможно наполнить более глубоким содержанием, ибо возможно отнести его к категории открытых систем. Прежде всего, имеется в виду тематизация Юнгом архетипа в качестве модуса, не имеющего определенного содержания, как и другие его идеи, указывающие на то, что само понятие архетипа не является чем-то окончательным, но заключающим в себе много больше того, что поместилось бы в любом объяснении. Иными словами, имеется в виду такая интерпретация, которая позволяет рассматривать архетип как открытую неравновесную систему, как некий процесс самоорганизации смыслов, образов или представлений, а прерогатива исследования таких систем с некоторых пор стала принадлежать синергетике. Не исключено, что новый взгляд на проблему архетипа, взгляд в рамках синергетического подхода, будет сопряжен с новыми трудностями, связанными с использованием категориальных средств собственно синергетики. Некоторые исследователи уже не раз задавались вопросом о допустимости заимствования ее словаря при описании систем, относящихся к разряду социокультурных. Философия постмодернизма в этом отношении пошла своим путем, позаимствовав целый ряд терминов сразу из нескольких наук, среди которых оказались не только лингвистика и семиотика, но даже биология и квантовая механика. Так, представители постмодернизма Ж. Делез и Ф. Гваттари трактуют элементы бессознательного как образующие пульсационно-либидозные потоки и приводящие к свободной игре частиц и появлению их случайных комбинаций в духе идей и категорий квантовой механики [5, с. 80]. Эти же философы заимствуют из биологии термин ризома и наполняют его специфическим содержанием, благодаря которому обновленное понятие ризомы приобретает категориальный статус. Следует заметить, что философия постмодернизма, несмотря на близость с синергетикой в описании ряда систем, в своей рефлексии не опиралась на словарь последней, поскольку, прежде чем было выявлено в их теоретических конструкциях нечто общее, позволившее наделить их общим статусом – статусом парадигмы, определяющей сущность нового типа рациональности, они развивались автономно друг от друга. В несколько ином положении находилась концепция архетипа Юнга, ибо, когда она была на пике популярности, еще ничего не было слышно ни о синергетике, ни о постмодернизме в философии, а когда те, заявив о себе, стали укреплять свои позиции, то страсти по архетипу Юнга уже успели угаснуть. Учитывая же специфику содержания, которым Юнг наполнил понятие архетипа, можно допустить, что возникшие при этом про-

творчества были вызваны дефицитом категориальных средств, поскольку таковые появились только благодаря синергетике, квантовой физике и философии постмодернизма. Следует отметить, что Юнг, трактуя и бессознательное, и архетип, фактически, как нелинейные неравновесные открытые системы, категориальный аппарат для описания которых на тот момент, как выяснилось, еще отсутствовал, и, испытывая из-за этого определенные трудности, интуитивно понимал, что природа архетипа указывает на некую сферу, к которой разными путями идут психология и физика. Идею о сходстве области бессознательного с квантовой реальностью и глубокие параллели между психологией и физикой он обсуждал совместно с В. Паули, одним из теоретиков новейшей физики. Ими даже была намечена, однако не разработана до конца теория Единой реальности, под которой полагалась сфера как психического, так и физического, как субъекта, так и объекта. И только сегодня стали достаточно обоснованно говорить о совпадении сферы бессознательного с реальностью, которая лежит в основе физического мира и описывается квантовой физикой [6, с. 18]. Остается открытым вопрос непосредственного заимствования и адаптации в рамках новой интерпретации архетипа категориальных средств синергетики, квантовой физики или философии постмодернизма. Кстати, из обозримого множества понятий нового типа рациональности, как минимум, постмодернистское понятие ризомы уже позволяет определенным образом выразить одну из главных ипостасей архетипа, не выраженную столь четко в концепции швейцарского психоаналитика. Прежде всего имеется в виду перманентная креативная подвижность архетипа, его внутренний потенциал самоварьирования или нестабильность, ибо архетип есть модус, не имеющий в спокойном, непроецированном состоянии определенного содержания, никакой точно определенной формы, он является формально неопределенной структурой, которой приличествует возможность проявляться только при помощи проекции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – М., 1987.
2. Дрюк М.А. Современные концепции многомерности как новой парадигмы мышления // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 7. Философия. – 2002. – № 2.
3. Колодкин А.Н., Саловарова В.П. Синергетика: предпосылки возникновения и возможности ее развития // Философия науки. – 2002. – № 1.
4. Менский М.Б. Квантовая механика, сознание и мост между двумя культурами // Вопросы философии. – 2004. – № 6.
5. Полозова И.В. Глубинные основания метафоры // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 7. Философия. – 2004. – № 3.
6. Полозова И.В. Метафоры в философии постмодернизма // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 7. Философия. – 2003. – № 2.
7. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6.
8. Постмодернизм // Энциклопедия. – Мн., 2001.
9. Юлина Н.С. Тайна сознания: альтернативные стратегии исследования // Вопросы философии. – 2004. – № 11.
10. Юнг К. Бог и бессознательное. – М., 1998.
11. Юнг К. Ответ Иову. – М., 1998.